

Великой Победе 65. Воспоминания Воробьёва Николая Афанасьевича.

Опубликовано пн, 23/08/2010 - 04:15 пользователем Гость (не проверено)

В 1941 году я поступил в геологическую партию Верхне-Уфалейского никелевого завода, после окончания семилетки. А наша семья – из деревни Юшково Каслинского района. В 30-е годы на Урале был голод, и отец, сам крепкий, здоровый, как-то смог вывезти нас в Касли, где тоже было несладко. И отец решил переехать к Омску, там голода не было, прожили там год. Потом отец вывез нас в Верхний Уфалей. Здесь мы и выросли. В 1942 году, в августе, меня в 17 лет призвали в армию. Попал я в Чебаркуль, там формировались маршевые роты. Через полмесяца нас направили в Ялуторовск, это в районе Тюмени. Прибыли в учебный полк, более тысячи человек. Здесь раньше был стадион. Начали строить землянки, каждая на 300 человек. Лес таскали с Оби на себе с расстояния три километра. За день делали два «рейса». В землянках делали двухэтажные нары, железные печки. К концу октября всё было готово. А затем началась усиленная учёба. Дисциплина была жёсткая, учителя – кадровые офицеры. Ползали по-пластунски в болоте, с завязанными глазами, разбирали и собирали и пулемёт, и миномёт.

Присвоили мне звание сержант. Приехали в район Коломны, под Москвой. Я попал в 1005 пушечно-артиллерийский полк 20 артиллерийской дивизии. Здесь мы снова учились, меня назначили командиром отделения разведки. В отделении было семь человек. Основные приборы наблюдения: бинокль, стереотруба, буссоль и, конечно, собственный глазомер. Главные вычисления делал топограф полка. Во время разведки от обозначенного главного ориентира мы и делали привязки, а затем передавали дальше. Наблюдатель - разведчик был очень важной целью и для той, и для другой стороны, ведь без ориентиров на цели артиллерия была слепая.

Для солдата первый бой всегда самый памятный. Привезли нас на Орловско-Курскую дугу, это Брянский фронт, река Зуша. Здесь на бугре, перед речкой, начали обустраивать наблюдательный пункт, выкопали земляночку, затем прокопали траншеи в стороны. Был июль 1943 года. Велась пристрелка целей с той и другой стороны. Мы передавали данные вычислителю полка, а он наносил на карту. 5 июля, часа в четыре утра слева от нас сделала залп «Катюша», потом – справа, а затем пошла стрелять артиллерия. Гул стоял такой, что говорить можно было только прямо в ухо. Вылетели самолёты, и наши, и немецкие. Канонада продолжалась часа три, а потом пошла пехота. Противник сопротивлялся ожесточённо. Когда форсировали речку по штурмовым мостикам, установленным через каждые пятьдесят метров, река была буквально набита трупами. Местность открытая, только один пулемётчик может столько «накрошить»..., пока его не убьют.

Потом прорвали линию обороны, взяли Орёл, Брянск. В Брянске погиб командир нашей дивизии. Подорвался на mine в своём «Виллисе». Здесь, в Брянске мы видели, как из освобождённого лагеря выходили наши военнопленные, они держали друг друга под руки, не могли идти. Мы, ради любопытства, решили зайти в лагерь, но в бараки зайти не решились:

блохи здесь летали тучами. А в одном каземате видели следы пыток: стены были измазаны кровью и написаны имена.

Затем нашу дивизию перебросили на Калининский фронт. Осенью 43 года проходили мимо Ржева, но в сам город не входили, так как он был полностью разрушен, завален и плохо проходим. С Калининского фронта нас перебросили в Белоруссию. Здесь, под Борисовом, я был сильно контужен. Зашли мы в деревушку, а рядом на возвышении находилось кладбище. Вот я и говорю, давайте здесь устроим наблюдательный пункт. Но немец начал бить и по деревне, и по кладбищу. Я успел сунуться между могилками, и меня всего завалило. Ребята меня откопали и оттащили на палатке в полевой медсанбат. Вначале я ничего не слышал и не видел, и разговаривал плохо. Лежал в медсанбате около месяца. Потом я более-менее отошёл, выписался и догнал свою часть.

Затем вышли в Литву. Там, в Литве, совсем другая жизнь, во всяком случае, в то время. Они жили в основном хуторами. Здесь, вокруг хуторка – и скот, и поля, – всё хозяйство. Прошли Литву, и в километрах десяти от Шауляя нас встретили танки. Это было летом 44 года. Хорошо, что они пошли не в лоб, а обошли нас справа и слева. Комбат доложил обстановку в штаб полка, но команды отходить не было. Мы немцев своей батареей обстреляли, а затем налетели наши штурмовики ИЛ-2. Это очень сильная машина. Загорелся один танк, второй, третий..., и они стали заворачивать, а пехота немецкая залегла. А нам сверху картина боя была хорошо видна. После этого нам была дана команда, отходить, и мы отошли, не доходя с километр до Шауляя, во вторую линию обороны, где расположились в траншеях. А осенью 44 года был бой с дивизией «Мёртвая голова». На танках и на касках солдат был нарисован череп. Ночью мне пришлось под огнём восстанавливать связь. За это меня наградили медалью «За отвагу».

В Восточной Пруссии население очень нас боялось, так как немцы провели соответствующую пропаганду. Встречает нас женщина, бежит навстречу с двумя девочками, падает перед нами, что-то говорит. Мы её успокоили, как смогли, и дали знать, что хотим есть. Она пригласила нас в двухэтажный дом, внутри хорошо обставленный, собрала обед, выставила какую-то наливку, но постоянно плакала, боялась; а мы её успокаивали: мол, не собираемся её трогать, никому она не нужна. Когда уходили, она вслед нам кланялась. Идём дальше, встречается нам пожилой мужчина с внуком лет двенадцати. Дед, оказывается, разговаривает по-русски. Спрашиваем: «Почему ты не убежал?» А он отвечает: «А я знаю, что русские мирных жителей не трогают, я сам был в русском плену ещё с той войны и знаю». Вот так мы вошли в Пруссию.

Потом нас повернули в Латвию. Здесь, в Курляндии, окружили большую группировку немецких войск, в которой было много русских предателей: власовцев, разных бургомистров, старост, полицаев... Эти не сдавались, сопротивлялись до последнего патрона. В оружии убитых предателей патронов не было, знали, что им пощады не будет. А немцы сдавались при первой возможности.

Как раз в Курляндии я и получил ранение. Это было в марте 45 года. Заняли оборону на высоте, отсюда хорошо всё просматривалось на большую глубину. Здесь же расположился взвод управления катюшечников. Боевые порядки располагались перед нами, в низине, примерно, в ста метрах. Стемнело, выстрелы со стороны немцев стали приближаться. И пехотинцы начали пробегать то слева, то справа. Мы спрашиваем: в чём дело? Оказывается, немец стал наступать. Мы начали отвечать своей батареей. Но это не помогло. А комбаты, наш и катюшечников, были на высоте с нами. Переговорили они меж собой, и командир катюшечников дал своим команду дать несколько залпов прямо по нам. С одного залпа летит сразу штук сорок ракет. Мы упали в траншеи, раздался такой грохот, всё заволочло дымом. А когда встали, немцев уже не было, отошли. Но, думаю, это были скорее власовцы.

18 марта 1945 года решили оборудовать наблюдательный пункт на сосне. Летит мина - разрыв спереди. Потом вторая - разрыв сзади. Мы поняли, что это артиллерийская вилка. Мы скорей слезать с дерева. Быстро спустились. А внизу был немецкий блиндаж. Мы его заняли для своего отделения, освободили от убитых немцев, настелили лапника, в общем, обустроили. Напарник успел залететь в блиндаж, а я только прыгнул, и мина разорвалась в метрах пяти. Сгоряча забежал в блиндаж. В сапоге дырка. Мне повезло, попал только один осколок. Но если бы лёг, посекло бы всего, так как осколки от мины стелятся над землёй.

Лежал в госпитале в г. Крустопельс, это в Латвии. И Победу встретил здесь же. Я уже ходил с тросточкой. Забежал какой-то майор, пригласил всех в коридор. Все, кто мог, вылезли, кто на ногах, а кто на боку. Он и объявил об окончании войны. Из госпиталя после выздоровления нас направили в Ленинград на охрану Военно-медицинской академии. Ходили в караул, принимали на железной дороге под охрану грузы для академии, в основном уголь, сопровождали грузы из Донбасса, из Эстонии. Служил здесь до марта 1947 года, демобилизовался и приехал в Касли, где жили мои родители. Отработал два года в финансовом отделе. Затем переехал в Вишневогорский рудник, год работал заместителем директора ФЗУ. А потом поступил в гидрогеологическую партию № 6 Московского Гидропроекта МВД СССР. Я учился заочно в Московском институте гидрологии, но пришлось по семейным обстоятельствам учёбу бросить. В марте 1955 года сюда приехали топографы строить город и предприятие, а у нас уже была вся сеть: высотки, водоёмы, все репера: на Синаре, на Силаче и в других местах. Измеряли сток Синары. Штаб наш был в Воздвиженке. Была метеостанция, наблюдения велись в течение 10 лет до декабря 1959 года. В декабре этого года я приехал из командировки в Свердловскую область. Нам объявили, что работы закончены и предложили трудоустройство: под Киев, где намечалось строительство Нижнекиевской ГЭС, и в Сибирь, на реку Чулым, это приток Лены. Но я отказался, и мне предложили работать в ЖКУ. Сразу вручили ключи от двухкомнатной квартиры, а потом я перешёл в 5 сектор. В последнее время работал на втором заводе в отделе снабжения.

Литературная обработка Г.М. Номоконов

Категория:

[Краеведение](#) [1]

Source URL: <http://46.45.32.78:8080/news/velikoy-pobede-65-vozpominaniya-vorobyova-nikolaya-afanasevicha>

Ссылки

[1] <http://46.45.32.78:8080/mmc/kraevedenie>